

И это приведет к наиболее полному соответствию модели местного самоуправления РФ европейским образцам, т.е. к созданию полноценного муниципального права России, как составной части не только внутреннего, но и международного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. В ред. Федеральных конституционных законов от 30.12.2008 № 6-ФКЗ и № 7-ФКЗ. // Собрание законодательства РФ – 26.01.2009. – № 4. – Ст. 445.
2. Федеральный закон «О ратификации Европейской хартии местного самоуправления» от 11.04.98 г. № 55-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 36.
3. *Земченков Н.Ф.* Местное самоуправление как фактор формирования гражданского общества в РФ // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2013. – № 1 (138). – С. 208-213.
4. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации – 6 октября 2003 г. – № 40. – Ст. 3822.
5. *Гулина В.В.* Функциональное назначение местного самоуправления как политико-правового института // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 9. – С. 11.
6. *Палеев А.Р.* О реализации социальных программ в г. Москве // Доклад на заседании Мосгордумы. – 10.03.2011. /интернет ресурс /www.rosbalt.ru/moscow/.

Статью рекомендовала к опубликованию д.ф.н., профессор О.А. Андреева.

Корж Елена Григорьевна – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»; e-mail: egkorzh@mail.ru; 347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44; тел.: 88634371631; кафедра гражданского и корпоративного права; ассистент.

Макаренко Сергей Николаевич – e-mail: makselin@list.ru; кафедра гражданского права; к.ф.н.; доцент.

Karsh Elena Grigorievna – Federal State-Owned Autonomy Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”; e-mail: egkorzh@mail.ru; 44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia; phone: +78634371631; the department of civil law; assistant.

Makarenko Sergei Nikolayevich – e-mail: makselin@list.ru; the department of civil law; associate professor; cand. of phil. sc.; associate professor.

УДК 340

В.В. Клочков

КОРОЛЕВСКАЯ ПРЕРОГАТИВА В АНГЛИИ ОТ ЕЕ ЗАРОЖДЕНИЯ ДО НАЧАЛА XVII В.

Проводится анализ эволюции теоретического и правового оформления королевской прерогативы в Англии. Автор рассматривает компоненты королевской прерогативы в контексте значимой трансформации политических институтов, формы и содержания английской монархии. Показаны и охарактеризованы важные основания королевских прерогатив в раннее Новое время, в том числе теория суверенитета Ж. Бодена, отделение личных прерогатив монарха от привилегий системы политических институтов, концепция божественной власти.

Королевская прерогатива; английская монархия; Англия в раннее Новое время; теория суверенитета; божественная власть.

V.V. Klochkov

ROYAL PREROGATIVE IN ENGLAND FROM ITS ORIGIN TO THE EARLY SEVENTEENTH CENTURY

The article analyzes an evolution of theoretical and legal formulation of the royal prerogative in England. Author examines the royal prerogative components in the context of significant transformation of political institutions, form and content of English monarchy. Important basis of the royal prerogatives in Early Modern times is shown and described including Bodin's theory of sovereignty, separation of personal royal prerogatives from privileges owned by the system of political institutions, concept of divine power.

The royal prerogative; English monarchy; Early Modern England; theory of sovereignty; divine power.

Монархия абсолютна по определению и в этом заключается ее политический смысл. Монархическая власть может быть реализована в различных стилях властвования. Принимает ли монарх решения лично, позволяет ли принимать такие решения за себя ближайшему кругу своих приближенных, или устраняется от дел, – количество лиц, осуществляющих управление, не имеет особого значения, поскольку их действия подкрепляются королевским авторитетом. Именно корона была высшей инстанцией власти. Для европейских монархий раннего Нового времени вопрос о том, что может делать монарх и каковы границы его власти или прерогативы, был весьма существенным в политической повестке.

Прерогативные полномочия английской монархии представляют в этом отношении особый исследовательский интерес. Известный правовед XV в. сэра Дж. Фортеस्कью (1385-1479) является ответственным за появление основ теории английской королевской прерогативы. Он был твердо убежден в том, что английские короли находились в исключительном положении потому, что, нуждаясь в одобрении парламентом законов и налогов (*dominium politicum*), обладали и собственным набором полномочий (*dominium regale*) [1]. В этом Дж. Фортеस्कью был не совсем прав: *dominium politicum et regale* было в Европе повсеместным явлением, а не исключением [2]. Однако Дж. Фортеस्कью справедливо отмечал, что в английской политической практике общим местом была убежденность в том, что монарху, который пользовался доверием своего народа, не нужно было отчуждать собственность подданных силой: они свободно отдавали ее на законные нужды монарха. Абсолютная власть короны в ее прерогативной сфере также не подвергалась сомнению, поскольку монарх здесь выглядел не угрозой, а гарантом прав подданных [3].

Определение королевской прерогативы было впервые дано знаменитым правоведом Э. Коком (1552-1634). Он писал: «*Praerogativa* происходит от слов *prae*, т. е. до- и *rogare*, т. е. спрашивать или требовать заблаговременно, из которых получается *praerogativa*, обозначающая наивысший орган, потому что хотя акт и прошел обе палаты, лордов и общин, в парламенте, однако до того, как он станет законом, на него должно быть испрошено, или истребовано, или достигнуто королевское согласие, и в этом заключается смысл этого термина». Э. Кок подчеркивал, что этот термин охватывает все полномочия, преимущества и привилегии, которые закон дает короне [4]. Интересно, что еще юрист XIII в. Г. Брактон (1210-1268) именовал такого рода права и преимущества «вольностями» (*libertatem*) и «королевскими привилегиями» (*privilegium regis*) [5].

Подобным же образом определял суть королевской прерогативы и знаменитый юрист XVIII в. У. Блэкстоун (1723–1780). В «Комментариях к законам Англии» он писал: «Под термином “прерогатива” мы обыкновенно понимаем то особое преимущество, которое король имеет относительно и сверх всех других лиц и

которое вытекает из обычного порядка и общего права (*common law*) в соответствии с правом королевского достоинства. Оно обозначает в своей этимологии нечто испрашиваемое или истребуемое до, или в предпочтение ко всем другим» [6, 7].

В конце XIX в. известный исследователь английских политических институтов У. Стаббс отмечал, что «королевская прерогатива не была в своем происхождении вымыслом теоретиков. Она выросла из определенных условий национальной жизни, из которых некоторые существовали до нормандского завоевания, другие были результатом этого великого изменения, третьи стали следствием особого хода правления Генриха II и его наследников» [8].

Из обобщенного определения У. Стаббса, сделанного на основании предшествующих комментариев, очевидно, что уже в раннее Новое время под королевской прерогативой понимались не произвольные преимущества и привилегии королевской власти, проистекающие из ее особого статуса, но лишь те из них, которые базировались на традиционном английском праве. Характер этого правового основания, по верному замечанию В.А. Томсинова, определял и вид прерогативы [7].

То обстоятельство, что в историографии не уделяется достаточного внимания проблемам обоснования королевской власти, вызывает недоумение. Английские историки и правоведы концентрировали свое внимание на тех элементах государственного устройства, которые способствовали росту и укреплению прав и свобод английского народа, а не тех, которые обосновывали власть монарха. Можно без преувеличения сказать, что излишняя убежденность в агрессивности «абсолютизма» порождала не слишком внимательное отношение к неотъемлемым полномочиям короля (*dominium regale*), которыми он всегда обладал [9].

Такое отношение к одному из ключевых аспектов проблемы трансформации политических институтов в истории монархий раннего Нового времени покажется еще более удивительным, если вспомнить, что современники отнюдь не были столь равнодушны к проблеме обоснования королевской власти. Применительно к истории Англии королевские прерогативы перечислялись во многих трактатах с поражающей воображение скрупулезностью.

Одним из первых случаев документальной фиксации королевской прерогативы является так называемый «Мальбриджский статут» (*Statutum de Marlebridge*), принятый в 1267 г. В его 16 статье говорилось об обеспечении права короля при наследовании земли в случае смерти лица, державшего от него землю на феодальном праве (*prima seisin*) [10, 11]. Позднее аналогичная прерогатива была зафиксирована в специальном сочинении «О королевской прерогативе», которое в 1324 г. обрело значение статута [12]. Сам документ был предположительно составлен в период правления Эдуарда I (1272-1307). Существует мнение, что данное сочинение является трактатом, специально написанным в обоснование различных прерогативных полномочий монарха [13].

Права и привилегии короля, изложенные в статуте «О королевской прерогативе», сохраняли свое практическое значение вплоть до середины XVII в. В 1548 г. на основании этого статута правовед У. Стонфорд создал специальный трактат «Описание королевской прерогативы». Трактат вышел в свет в 1567 г. и до начала XVII в. четырежды переиздавался, а также использовался в качестве учебника в судебных инхах. Таким образом, королевская прерогатива была для современников понятием, наполненным реальным историческим и юридическим содержанием. Именно в этом смысле следует понимать меткое замечание Г. Элтона о том, что «все ошибки и промахи английских монархов не дают оснований отрицать наличия закона, по которому они правили» [14, 15].

Исследуя содержание многочисленных сборников, посвященных королевской прерогативе, можно прийти к выводу, что ключевые полномочия английской короны в том виде, как они оформились к началу раннего Нового времени, базировались на нескольких основаниях. Первым из них были положения римского частного права, которое именовалось гражданским правом (*civil law*) или правом народов (*law of nations*). Полномочия, основанные на этом праве, составляли абсолютную или *экстраординарную прерогативу* английской монархии. Смысл ее заключался в способности английского монарха действовать независимо от иностранных государей и от власти римского папы. Напротив, королевские полномочия, имеющие своим основанием систему общего права, относились к так называемой *ординарной прерогативе* английской короны. Важнейшими из этой группы прерогатив были необходимость для короля действовать совместно с парламентом при осуществлении законодательства и при обсуждении вопросов о налогообложении. Некоторые полномочия английского монарха проистекали из Священного писания и представляли собой *прерогативу по божественному праву* (*jus divinum*). Наконец, четвертая группа привилегий английской короны основывалась на феодальном праве в узком смысле слова (*jus feodale*) и именовалась *феодальной прерогативой* [7].

Прерогативы, в которых воплощалась королевская власть в раннее Новое время, вытекали из двух теоретических положений. Первым был тезис, заимствованный у Ж. Бодена (1530-1596) – французского политического мыслителя, автора теории политического суверенитета. Ж. Боден полагал, что в государстве должна существовать одна суверенная или верховная власть, а не разделение полномочий между монархом и феодальными сеньорами, характерное для средневековья. Ж. Боден был первым политическим теоретиком, систематически и решительно порвавшим со средневековой концепцией власти как осуществления традиционного правосудия и сформулировал современную идею политической власти как суверенной способности создавать новые законы и налагать на подданных безусловную обязательность их исполнения. Боден писал: «основным отличием суверенного величества и абсолютной власти является право налагать законы на подданных без их согласия... существует различие между правосудием и законом, поскольку первое всего лишь означает беспристрастность, тогда как второе означает управление. Закон есть не что иное, как осуществление сувереном его власти» [16].

В то же время Ж. Боден поддерживал феодальные максимы, ограничивающие базовые фискальные и экономические прерогативы правителей над своими подданными. «Ни один государь в мире не имеет права по собственной воле налагать налоги на свой народ, или произвольно отбирать товары..., поскольку суверенный государь не может нарушать законы природы, установленные Богом – чьим представителем на земле он является... суверенитет монарха ни в коем случае не умаляется существованием сословного представительства; напротив, его величество еще более велик и прославлен, когда народ признает его как суверена» [16].

Теория Ж. Бодена во многом позволяет понять природу абсолютной монархии и присущие ей противоречия. В основе этой теории заложена идея равновесия между королевскими прерогативами во всем их многообразии и правами и свободами подданных. Ни один «абсолютный» монарх не имел возможности произвольно лишить свободы или собственности дворянина или буржуа. Не могли абсолютистские государства достичь и такой степени административной и юридической централизации, чтобы окончательно подчинить себе сословное представительство. В этом отношении королевская прерогатива всегда была ограниченной. Не случайно поэтому, что английский правовед Р. Ноллис, осуще-

стивший в 1606 г. перевод книги Ж. Бодена на английский язык, превозносил теорию суверенитета французского автора за то, что «она сравнилась с английским общим правом» [17, 18].

В напечатанном в 1583 г. трактате «Об английском государстве» политический мыслитель и правовед Т. Смит (1513-1577) отмечал, что «форма государства приспособляется к природе человека» и способом изменения этой формы является возможность для суверена «осуществлять власть в пределах своей прерогативы» [19].

В последней трети XVI в. понимание государства как политического сообщества, основанного на публично-правовых принципах, окончательно закрепилось в английском политическом обиходе. Парламентарии в своих речах использовали понятия «*state*» и «*commonwealth*» как синонимы. Так, спикер палаты лордов Т. Уильямс в речи 3 апреля 1564 г. говорил, что «это государство (*commonwealth*) установлено божественным Провидением» [20]. Его преемник на посту спикера Р. Онслоу в речи 2 января 1566 г. указывал, что «хорошие законы составляют силу государства (*commonwealth*) и значимость прерогативы монарха» [21]. О том же упоминал в своей речи на совместном заседании общин и лордов 18 марта 1580 г. тогдашний спикер верхней палаты Дж. Попхэм [22].

Примерно тогда же складывается и представление об английской монархии как политической системе, в которой личные прерогативы монарха отделены от системы политических институтов, обладающих собственными правами и привилегиями. На тридцать четвертом году своего правления (1543 г.) Генрих VIII говорил парламентариям: «Мы информированы нашими судьями о том, что ни в какое время мы не стоим в своем королевском статусе столь высоко, как во время парламента, где мы, как глава, и вы, как Члены, соединяемся и сливаемся в одно политическое тело» [23].

Мысль о том, что суверенная власть воплощалась не столько в персоне монарха, действующего в рамках своих прерогативных полномочий, сколько в короле, направляющем политический процесс совместно с парламентом, высказал в парламентских дебатах 1610 г. судья Королевской Скамьи Дж. Уитлок (1570–1632). Он указывал, что «суверенная власть пребывает, по общему согласию, в короле; но в короле есть двойная власть: одна – в парламенте, когда ему содействует согласие государства; другая – вне парламента, когда он руководствуется единолично собственной волей» [24]. Еще более определенно высказался лорд Дж. Дигби в январе 1641 г.: «Король Англии никогда не стоит во всей своей славе и величественном суверенитете иначе, как в парламенте. Где правомочие назначать налоги? Где полномочие восстанавливать правоспособности? Где законодательная власть? Соединены в короле, мистер спикер. Но как? В короле, окруженном его парламентом, вне которого он имеет ограниченную прерогативой юрисдикцию» [25].

Вторым важнейшим основанием королевской прерогативы в раннее Новое время была вера в то, что Бог сделал короля своим наместником на земле (*God's lieutenant upon Earth*), и что эта должность является наследственной в правящей династии. В отличие от экстраординарной и ординарной прерогатив, определяющих конкретные сферы применения королевской власти, прерогатива по божественному праву выражалась в совокупности весьма различных концепций идеологического свойства, закреплявших высокий общественный статус королевской власти. Так, в своей речи 21 марта 1610 г. Яков I особо выделил среди источников прерогативы по божественному праву саму концепцию божественной власти (*di-*

vine power), патриархальную идею, уподобляющую королевскую власть семейной власти. Особо была выделена и мысль о том, что королевская персона по роли и характеру своей деятельности может быть сопоставлена с тем местом, которое занимает голова в человеческом теле [26].

Прерогатива, основанная на божественном праве, также не давала королю возможности действовать произвольно. Напротив, в самой идеологической конструкции этой прерогативы были заложены весьма существенные ограничения. Следует заметить, что они весьма четко осознавались английскими монархами. Так, 30 ноября 1601 г. Елизавета I указывала, обращаясь к парламентариям: «И так как я есть та Персона, которая все еще пребывает под властью Бога, то поэтому заявляю вам торжественно, мне доверено всемогущей властью Бога быть его орудием для предохранения вас от зависти, опасности, бесчестия, позора, тирании и насилия... Я знаю, что титул короля – славный титул, но уверяю вас, сияющая слава королевской власти не слишком ослепила взгляд нашего разума; мы, тем не менее, знаем и помним, что подвержены отчету за наши действия перед великим Судьей» [27]. Преемник Елизаветы Яков I также понимал, что божественный характер королевской власти означает ограничение свободы действий короля определенными рамками. Описывая парламентариям свое понимание королевской власти, Яков I подчеркивал, что «вся эта власть предписана Богом *ad aedificationem, non ad destructionem* (для созидания, а не для разрушения) и не будет согласно с разумом Бога применять свою власть в разрушение природы государства» [26].

Таким образом, анализ логических оснований королевской прерогативы со всей очевидностью показывает, что английская абсолютная монархия на деле оказывалась ограниченной дважды: продолжавшими существовать традиционными политическими структурами в лице парламента, обусловившего особую политическую форму «*regimen politicum et regale*», отмеченную Дж. Фортеस्कью, и присутствием морального закона над ней в лице концепции божественного права. Кроме того, следует помнить, что королевская прерогатива никогда не была неподвижной конструкцией ни в теории, ни в политической практике. Оформившись окончательно к середине XVI в., к концу столетия, и особенно в начале XVII в. королевская прерогатива начинает переживать процесс эрозии, связанный с изменением характера общественных отношений в этот период. Феодалная прерогатива постепенно утрачивает свое значение с оформлением отношений частной собственности. Ординарная прерогатива стала местом столкновения политических интересов персональной монархии и парламента по вопросам налогообложения и определения пределов ограничения прав и свобод подданных английской короны. Прерогатива по божественному праву претерпела изменения в результате трансформации самой божественного происхождения государственной власти в теорию общественного договора. Что касается экстраординарной прерогативы, то процесс ее изменения привел к изменению политической формы английского государства, превратив его из абсолютной монархии в конституционную.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Fortescue John*. Commendation of the Laws of England / Transl. of «*De Laudibus Legum Angliae*». Ed. By F. Grigor. L., 1917. – P. 37-40.
2. *Coenigsberger H. G.* Dominium Regale and Dominium Politicum et Regale: Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe. Inaugural Lecture at King's College, Oxford. L., 1975. – P. 6.
3. *Хеншелл Н.* Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. – СПб., 2003. – С. 228.
4. *Coke E.* The first Part of the Institutes of the Laws of England, or a Commentary upon Littleton. The Thirteen Edition. L., VDCCLXXV (1775). – P. 90b.

5. *Bracton H.* On the Laws and Customs of England. – L., 1968. – P. 21.
6. *Blackstone W.* Commentaries on the Laws of England. Book I. – L., MDCCLXV (1765). – P. 232.
7. *Томсинов В. А.* Прерогативы королевской власти в Англии в первые десятилетия XVII в. и Петиция о праве 1628 г. / Проблемы истории государства и права. – М., 2009. – С. 77-79.
8. *Stubbs W.* The Constitutional History of England in its Origin and Development. – Vol. 2. Oxford, MDCCCXCVI (1896). – P. 542.
9. *Хенриелл Н.* Миф абсолютизма... – С. 174.
10. *Statutes of the Realm.* Printed by Command of HM king George III From Original records & Authentic Manuscripts. – 1810. – Vol. I. L. – P. 20-26.
11. *Coke E.* The Second Part of the Institutes of the Laws of England. Containing the Expositions of many Ancient and Other Statutes. L., MDCCXCVII (1797). – P. 101-154.
12. Magna Carta in F(rench) whereunto is added More Statutes than euer was Imprynted in any one Boke before this Time. L., MCCCCXXIX (1529).
13. *Maitland F.* The Praerogativa Regis // English Historical Review. – 1891. – Vol. 6, № 22. – P. 372-374.
14. *Пайнс Р.* Собственность и свобода. – М., 2000. – С. 181.
15. *Elton G. R.* The Rule of Law in Sixteenth Century England // Studies in Tudor & Stuart Politics and Government. – 1974. – Vol. I. – P. 283.
16. *Bodin J.* The Six Bokes of a Commonweale. English Translation of 1606 Reprinted. Cambridge, Mass., 1962. – P. 85-87.
17. *Ibid.* – P. 89.
18. *Sharpe K.* Politics and Ideas in Early Stuart England. L., 1989. – P. 15.
19. *De Republica Anglorum.* The manner of Government or Policie of the Realme of England, Compilled by Sir Thomas Smith, Knight, Doctor of Both the Lawes, and one of the Principal Secretaries unto the Two Most Worthy Princess, Edward VI and Quenee Elisabeth. L., 1583. – P. 28.
20. A Complete Journal of the Notes, Speeches and debates, both the House of Lords and House of Commons throughout the whole Reign of Queen Elisabeth, of Glorious Memory. Collected by that Eminent Member of Parliament Sir Simonds D'Ewes, Baronet. Published by Paul Bowers, of the Middle-Temple Esq. L., 1693. – P. 74.
21. *Ibid.* – P. 115.
22. Journal of the House of Commons. – Vol. I (1547-1629). – L., 1802. – P. 137.
23. A Complete Collection of State-Trails and Proceedings for High Treason and other Crimes & Misdemeanors; from the Reign of king Richard II to the Reign of King George II. Third Ed. Vol. 1-6. L., MDCCXLII (1742). – Vol. I. – P. 518.
24. Цит. по: *Holdsworth W.* A History of English Law. – L., 1966. – Vol. 6. – P. 85. См. также: *Томсинов В. А.* Указ. соч. – С. 68.
25. The Speeches of Lord Digby in the High Court of Parliament, concerning grievances and the Triennial Parliament. – L., 1641. – P. 24.
26. *James I.* A Speech to the Lords and Commons of the Parliament at White-hall, on Wednesday the XXI of March, Anno 1610 // The Political Works of James I. L., 1927. – P. 307-308.
27. A Complete Collection... – Vol. I. – P. 659-660.

Статью рекомендовал к опубликованию д.ю.н., профессор А.Ю. Мордовцев.

Клочков Виктор Викторович – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»; e-mail: vvklochkov@sfedu.ru; 347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44; тел.: 88634311427, 89286167321; кафедра теории права; зав. кафедрой; к.и.н.; доцент.

Klochkov Viktor Viktorovich – Federal State-Owned Autonomy Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”; e-mail: vvklochkov@sfedu.ru; 44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia; phones: +78634311427, +79286167321; the department of theory of law; head the department; cand. of hist. sc.; associate professor.